Научная статья

УДК 355.11:394(470)"1898/1917"

ОБЩЕЕ ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ АРМИИ И ФЛОТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1898–1917 ГГ.): НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ

Марченко Анастасия Викторовна, кандидат исторических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия, Москва, pstgu.anastasiia@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена Общему офицерскому собранию армии и флота в Санкт-Петербурге, которое действовало с 1898 по 1917 год как один из главных институтов корпоративной жизни офицерства столичного военного округа. Цель работы состоит в выявлении связи между нормативным регулированием деятельности собрания и повседневными практиками его посетителей. Источниковую базу составили устав собрания 1897 года, отчет о его деятельности за 1900 год, периодическая печать, справочно-нормативная и мемуарная литература для офицеров, а также дневниковые записи современников. Использованы историко-генетический и сравнительно-исторический методы, элементы количественного анализа. Установлено, что формальные предписания устава дополнялись неписаными правилами офицерского быта, которые регулировали отношения младших и старших членов корпорации, употребление спиртных напитков, долговые обязательства и репутацию. Собрание служило местом досуга и инструментом поддержания профессионально-сословной обособленности офицерства, что сближает петербургский опыт с практиками гвардейской среды, которые описаны в новейшей историографии. Прослежена связь между кризисом сложившейся корпоративной модели и событиями Февральской революции 1917 года, которые положили конец обычной работе собрания. Материалы статьи расширяют представления о военной повседневности Российской империи начала XX века.

Ключевые слова: Общее офицерское собрание; офицерский корпус; военная повседневность; корпоративная культура офицерства; Санкт-Петербургский военный округ; нормативное регулирование; Первая мировая война.

Original article

THE GENERAL ASSEMBLY OF ARMY AND NAVY OFFICERS IN ST. PETERSBURG (1898–1917): NORMATIVE REGULATION AND EVERYDAY PRACTICES

Marchenko Anastasiia Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia, pstgu.anastasiia@rambler.ru

Abstract. The article examines the General Assembly of Army and Navy Officers in St. Petersburg, which functioned from 1898 to 1917 as a central institution of officers' corporate life in the capital military district. The purpose of the study is to reveal the relationship between the normative regulation of the assembly's activities and the everyday practices of its members. The source base includes the assembly's 1897 charter, a report on its activities for 1900, periodical press, reference and memoir literature for officers, and diaries of contemporaries. Historical-genetic and comparative-historical methods were applied along with elements of quantitative analysis. The study finds that the formal provisions of the charter were supplemented by unwritten rules governing relations between junior and senior members, alcohol consumption, debt, and reputation. The assembly is shown to have served not merely as a leisure venue but as an instrument for maintaining the professional and estate separateness of the officer corps, which aligns the St. Petersburg case with the practices of the Guards milieu described in recent scholarship. The article traces a connection between the crisis of this corporate model and the events of the February Revolution of 1917, which ended the assembly's ordinary functioning. The findings broaden the

understanding of the military everyday life of the Russian Empire in the early twentieth century.

Keywords: General Officers' Assembly; officer corps; military everyday life; officer corporate culture; St. Petersburg Military District; normative regulation; World War I.

Введение. Изучение офицерского корпуса Российской императорской армии вышло за рамки описания служебной иерархии и боевого пути отдельных частей. Современная историография чаще обращается к вопросам повседневности офицерской среды, а именно к тому, как строились отношения внутри корпорации, какими способами поддерживалась дисциплина вне поля боя и с помощью каких институтов офицерство воспроизводило собственную обособленность. Одним из институтов являлось Общее офицерское собрание армии и флота, которое было открыто в Санкт-Петербурге в 1898 году. Оно объединяло офицеров различных родов войск столичного гарнизона и Санкт-Петербургского военного округа и предоставляло им общее место отдыха, питания, чтения и профессионального общения.

Актуальность обращения к рассматриваемой теме определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, тема связана с растущим интересом современной исторической науки к социальной истории военных сословий и к реконструкции повседневной жизни офицерского корпуса как самостоятельного объекта изучения, который выходит за рамки традиционной военно-оперативной проблематики. Во-вторых, за последние два года в научных изданиях появились публикации, которые посвящены корпоративным практикам офицерства второй половины XIX – начала XX века [16; 4; 14; 2; 3; 6; 10], что делает возможным сопоставление петербургского материала с иными группами офицерского корпуса. В-третьих, Общее собрание остается неравномерно изученным. Специальные работы А. В. Тихомирова [11; 12], которые были опубликованы более 15-ти лет назад, до сих пор остаются практически единственными

исследованиями, которые целиком посвящены офицерскому учреждению, а вопрос о соотношении писаной нормы и живой практики в его деятельности специально не рассматривался.

Объектом исследования выступает Общее офицерское собрание армии и флота как институт корпоративной жизни офицерства Санкт-Петербургского военного округа. Предметом исследования являются нормативные основания деятельности собрания и повседневные практики офицеров, которые связаны с его посещением и функционированием.

Целью статьи является выявление характера взаимодействия формального регулирования и неформальных повседневных практик в деятельности Общего офицерского собрания в 1898–1917 годах.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1) рассмотреть нормативную основу деятельности собрания;

2) реконструировать количественную и качественную картину его повседневной работы;

3) охарактеризовать неписаные правила офицерского быта, которые дополняют устав;

4) сопоставить петербургский опыт с другими формами корпоративного самоконтроля офицерства, которые описаны в новейшей литературе;

5) проследить, как модель менялась в условиях военного времени и революционного кризиса 1917 года.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1898 года, когда собрание начало работать в специально построенном здании, до весны 1917 года, до времени, когда революционные события прервали его обычную жизнь. Территориальные рамки ограничены Санкт-Петербургом как центром военного округа, но отдельные сюжеты статьи, которые связаны с общими закономерностями офицерской повседневности, выходят за пределы столицы.

Обзор литературы. Дореволюционная традиция описания офицерских собраний подразумевала создание описаний офицерами, которые адресовались

коллегам. Примером служит заметка Зайко в журнале «Разведчик», которая представляет собой личное впечатление офицера, который впервые оказался в стенах петербургского собрания [5]. Научное осмысление истории Общего офицерского собрания началось значительно позднее. Основополагающими остаются статьи А. В. Тихомирова, в одной из которых прослежена история основания и развития петербургского собрания на протяжении 1893–1917 годов [11], а в другой рассмотрены нормативно-правовые основания создания офицерских учреждений в масштабах всей армии [12]. Работы А. В. Тихомирова заложили фактологическую основу темы, но были написаны преимущественно в институциональном ключе и мало затрагивали повседневные практики рядовых посетителей собрания.

Новый импульс изучению корпоративной культуры офицерства придали публикации 2025–2026 годов. Особое значение для настоящей статьи имеет исследование Г. С. Чувардина и И. В. Гончаровой, которое посвящено гвардии как элитообразующей структуре Российской империи [16, с. 86]. Авторы сопоставляют формализованные процедуры служебной аттестации, сложившиеся неформальные практики и корпоративную солидарность гвардейских офицеров и приходят к выводу, что указанные три составляющие образовывали единый способ внутреннего саморегулирования корпорации [16, с. 87]. Авторский вывод совпадает с логикой настоящей статьи, но гвардейская среда, которая рассматривается Г. С. Чувардиным и И. В. Гончаровой, представляла собой более социально однородную группу, по сравнению с составом посетителей Общего собрания.

Вопрос о соотношении корпоративной оценки офицера и служебно-бюрократических способов ее оформления получил освещение в работе Н. И. Дацко, которая рассматривает дискуссии об аттестационной реформе 1905–1906 годов [4, с. 176]. В работе показано, как военное ведомство пыталось формализовать критерии профессиональной пригодности офицера и встречало сопротивление сторонников традиционного и корпоративного понимания

офицерской чести и репутации. Смежная проблематика затронута в статье А. Ю. Фомина, которая посвящена усилиям военного ведомства по сохранению лояльности армии в 1905–1907 годах [14, с. 19]. Оба исследования позволяют увидеть, что кризис 1905–1907 годов затронул строевую и корпоративно-бытовую сторону жизни офицерства.

Методологически значимыми для настоящей работы являются публикации, которые развивают категорию военной повседневности. Д. А. Бажанов и В. В. Хуциева на материале Балтийского флота показывают, как повседневные практики физического воспитания были встроены в более широкие отношения между офицерами и нижними чинами, которые сохраняли кастовый характер вплоть до 1917 года [2, с. 354]. Д. А. Вальдман, при публикации и анализе фронтового дневника прапорщика И. И. Соловьева, показывает эвристический потенциал эго-документов для реконструкции повседневности младшего офицерства [3, с. 7]. Перечисленные работы не касаются истории офицерских собраний, но определяют методологическую рамку изучения повседневности как совокупности привычных и воспроизводимых практик.

Отдельное направление составляют количественные и просопографические исследования В. В. Канищева и А. Н. Плужникова. В одной статье авторы реконструируют социально-профессиональный портрет офицеров-преподавателей столичных военных академий [6, с. 56], а в другой статье изучают групповой портрет тамбовских дворян, которые служили в гвардейских частях [10, с. 58]. Их работы дают представление о демографическом и сословном составе той части офицерского корпуса, которая объективно являлась потенциальной аудиторией петербургского Общего собрания.

Иностранная историография представлена двумя работами. А. П. Шевырев и С. С. Юдин рассматривают военные и морские реформы царствования Александра III и отмечают нерешенность «офицерского вопроса», т.е. проблемы социального состава, престижа службы и профессиональной подготовки

офицерского корпуса [18, с. 105], что позволяет увидеть институциональный фон, на котором в середине 1890-х годов появилась идея Общего собрания. К. Тарасов анализирует истоки солдатского бунта 1917 года и понимает армию социальным пространством, в котором столкнулись сословные привилегии офицерства и растущие требования солдат к равенству и достоинству [19, с. 1]. Работа К. Тарасова важна для понимания причин, по которым корпоративная модель офицерского быта, воплощением которой являлось Общее собрание, не пережила революционных потрясений.

Следовательно, при обилии новейших работ о смежных сюжетах специальное исследование, которое бы объединяло нормативную историю петербургского Общего офицерского собрания и реконструкцию его повседневных практик на протяжении всего периода 1898–1917 годов, в литературе отсутствует.

Методы исследования. Исследование построено на принципах историзма и опирается на понимание повседневности как привычной и предсказуемой для современника реальности, которая воспринимается им естественным фоном служебной жизни. Представленное понимание определено в новейшей литературе по военной повседневности [2, с. 356] и применяется в настоящей статье к материалу офицерского собрания.

Основным методом является историко-генетический, который позволяет проследить формирование системы норм, которая регулировала жизнь собрания, от проекта устава 1897 года до его практической реализации в последующие годы. Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления петербургского материала с данными о гвардейской корпоративной культуре [16] и с более общими закономерностями офицерского быта, которые отмечены в мемуарной и нормативно-практической литературе [7; 17]. Элементы количественного анализа применяются при работе с отчетной документацией собрания [9], в которой содержится информация о числе членов, статьях доходов и расходов, посещаемости отдельных видов услуг. Выбранный подход близок к

количественным методам, которые применяются в современной просопографии офицерского корпуса [6; 10], хотя и ограничен масштабом источника.

Источниковая база исследования неоднородна по происхождению и степени репрезентативности. Нормативную группу источников составляет проект устава Офицерского собрания армии и флота 1897 года, который регламентировал состав членов, порядок управления, хозяйственную деятельность и досуговые функции учреждения [13]. К нормативной группе примыкает справочное издание П. А. Швейковского о суде общества офицеров и дуэли, которое содержит действовавшее законодательство с комментариями и позволяет увидеть, каким образом формальная норма чести была связана с корпоративным контролем поведения [17]. Делопроизводственную группу представляет отчет о деятельности собрания за 1900 год, который предоставляет редкую возможность количественной реконструкции его повседневной работы [9]. Периодическая печать представлена заметкой Зайко в «Разведчике», которая написана с позиции впервые посетившего собрание стороннего наблюдателя [5]. Справочно-практическая и мемуарная литература для офицеров включает пособие В. М. Кульчицкого, которое посвящено неписаным нормам поведения молодого офицера [7], а также опубликованные дневники гвардейского офицера В. С. Савонько, которые позволяют проверить, как корпоративные нормы работали в реальной петербургской офицерской среде [15]. Материал о введении ограничений на продажу спиртных напитков накануне и в период Первой мировой войны, который затрагивает в том числе офицерские собрания, содержится в статье П. П. Лаврука [8]. Верхнюю хронологическую границу исследования описывают дневниковые записи А. А. Алелекова о событиях февраля 1917 года в Петрограде [1].

Результаты. ***Нормативные основания деятельности собрания.*** Проект устава Офицерского собрания армии и флота 1897 года определял учреждение местом совместного пребывания офицеров различных частей столичного гарнизона, которые не связаны между собой полковой или ведомственной

принадлежностью [13, с. 9]. В отличие от полковых собраний, которые были направлены на конкретную часть, петербургское Общее собрание изначально создавалось надведомственным пространством, которое объединяло сухопутных и морских офицеров. Устав закреплял категории членства, порядок избрания распорядительных органов, а также хозяйственные основания деятельности учреждения, которые включали содержание помещений, организацию питания и услуг для приезжающих в столицу офицеров [13, с. 11].

Необходимой частью нормативной системы, которая регулировала поведение офицера в собрании и вне его, оставался суд общества офицеров, который был охарактеризован в справочнике П. А. Швейковского. Автор писал о том, что значительная часть проступков, которые разбирались судом чести, формально не являлась уголовно наказуемой, но признавалась несовместимой с офицерским достоинством, например, пьянство в общественных местах, недостойное поведение в ресторанах и трактирах, неисполнение долговых обязательств и оскорбление сослуживцев [17, с. 17]. Тем самым между официальным уставом собрания и корпоративным судом чести имелась прямая связь. Собрание определяло пространство, в котором недостойное поведение могло проявиться, а суд общества офицеров становился инструментом его последующей оценки.

Повседневная жизнь собрания по данным отчета 1900 года. Отчет о деятельности Общего офицерского собрания армии и флота за 1900 год позволяет увидеть его работу благодаря фактической востребованности отдельных услуг [9]. Документ содержит структуру доходов и расходов собрания, значительную часть которых составляли поступления от ресторана и гостиничных номеров, которые предназначены для приезжавших в столицу по служебным делам офицеров [9, с. 2-21]. Товарищеские обеды, которые устраивались по случаю полковых и общегосударственных праздников, оставались одной из наиболее устойчивых форм коллективного досуга, которая объединяла офицеров вне зависимости от их постоянной принадлежности к тому или иному полку [9, с. 8].

Отдельными статьями отчета указаны расходы на содержание библиотеки и читальни, а также на бильярдную и карточные комнаты, что свидетельствует о разнообразии форм досуга, которые были доступны членам собрания [9, с. 16-17].

Структура повседневных практик находит подтверждение в заметке Зайко, которая была опубликована в «Разведчике» в 1899 году. Автор является приезжим офицером и описывает собственные впечатления от гостиничного номера, качества питания, стоимости услуг и обхождения прислуги, в целом позитивно оценивает уровень комфорта, который был доступен офицеру в стенах собрания [5, с. 546]. Похожие тексты позволяют увидеть собрание глазами рядового посетителя, для которого учреждение представало привычным пространством временного проживания и отдыха вдали от места постоянной службы.

Неписаные правила офицерского быта. Формальные предписания устава и данные отчетной документации не исчерпывают повседневной жизни собрания. Важную роль в ее регулировании играли неписаные нормы, которые имеются в справочной литературе, которая адресована молодым офицерам. Пособие В. М. Кульчицкого «Советы молодому офицеру» описывает комплекс правил, которые касались первого появления новоиспеченного офицера в собрании, порядка представления старшим сослуживцам, допустимой меры употребления спиртных напитков и отношения к долговым обязательствам [7, с. 10]. Автор пособия указывает, что репутация молодого офицера складывалась из формальных служебных успехов, но больше из соблюдения неписаных, но общепризнанных норм поведения в офицерской среде [7, с. 13-15]. Источник показывает способ включения новичка в собрание путем усвоение бытового кодекса.

Проверка того, насколько прочно бытовые нормы работали в реальной практике, возможна на материале дневников гвардейского офицера В. С. Савонько, которые охватывают период с 1899 по 1909 год. Записи дневника, которые были посвящены повседневному общению офицеров, их взаимным

визитам, застольям и конфликтам, подтверждают, что описанные В. М. Кульчицким правила не были литературной условностью, а действительно определяли характер отношений внутри офицерской корпорации, в том числе случаи, когда нарушение неписаного кодекса влекло за собой ощутимые репутационные последствия [15, с. 58].

Ограничение на продажу и потребление крепких напитков, которое было введено в начале Первой мировой войны, затронуло в том числе офицерские собрания, для которых торговля алкоголем и связанные с ней традиции застолья составляли заметную часть повседневной жизни. П. П. Лаврук показывает, что ограничительные меры вызывали неоднозначную реакцию офицерской среды и требовали от командования отдельных разъяснений относительно допустимых форм проведения товарищеских обедов в условиях действовавших ограничений [8, с. 63]. Описанный сюжет показывает, что даже устойчивая практика совместного застолья оставалась предметом постоянного нормативного регулирования и его периодического пересмотра.

Корпоративная культура офицерства в сравнительной перспективе. Материал петербургского Общего собрания приобретает дополнительное значение при сопоставлении с новейшими исследованиями других групп офицерского корпуса. Г. С. Чувардин и И. В. Гончарова при изучении гвардейских частей второй половины XIX – начала XX века приходят к выводу о том, что формализованные служебные процедуры, сформированные неформальные практики и корпоративная солидарность составляли в гвардейской среде единый способ внутреннего саморегулирования [16, с. 92]. Авторы приводят пример коллективного дисциплинарного обращения группы нижних чинов против офицера в 1905–1912 годах, который показывает, что внутреннее саморегулирование затрагивало отношения внутри офицерского круга и его взаимодействие с подчиненными [16, с. 91]. Применительно к петербургскому Общему собранию можно говорить о том, что устав, суд общества офицеров и неписаные правила В. М. Кульчицкого действовали в

совокупности и формировали единую систему поддержания корпоративной дисциплины.

Состав посетителей Общего собрания отличался от узкого гвардейского круга. Просопографические данные В. В. Канищева о преподавательском составе петербургских военных академий показывают, что среди офицеров, которые были связаны со столичными военно-учебными заведениями, доля выходцев из недворянских семей была выше, чем среди строевых армейских офицеров, и включала значительную группу «детей офицеров» и «детей чиновников» [6, с. 61]. Данные А. Н. Плужникова и В. В. Канищева о тамбовских дворянах, которые служили в гвардейских частях, напротив, показывают почти полную сословную однородность гвардейского офицерства и его преимущественно столичное военно-учебное происхождение [10, с. 60]. Общее собрание, которое объединяло армейских и морских офицеров различного происхождения, представляло собой более социально разнородное пространство, чем полковые собрания гвардии, что не отменяло, но видоизменяло способ корпоративного саморегулирования, который был описан Г. С. Чувардиным и И. В. Гончаровой.

Пример того, каким образом формальная награда за боевую доблесть воспроизводила язык офицерской чести, дает наградная реляция подпоручика лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады Е. Н. Сумарокова, которая приведена в статье А. Н. Плужникова и В. В. Канищева: «в бою 19-го, 20-го и 21-го августа 1915 года… находясь на наблюдательном пункте в передовых цепях и подвергаясь явной опасности, развивал такой действительный огонь, что заставил замолчать одну из неприятельских батарей» [10, с. 66]. Схожие формулировки, которые восходят к традиционному словарю офицерской доблести и достоинства, свидетельствуют о том, что даже в условиях фронтовой войны офицерский корпус продолжал воспроизводить те же категории чести, которые лежали в основе устава собрания и деятельности суда общества офицеров.

Институциональный контекст возникновения и функционирования собрания. Возникновение Общего офицерского собрания в середине 1890-х годов было связано с более широким кругом проблем, который обозначают в историографии как «офицерский вопрос». А. П. Шевырев и С. С. Юдин при анализировании военных реформ царствования Александра III отмечают, что при определенных успехах в области технического перевооружения армии и флота вопросы социального состава, карьерного престижа и профессиональной подготовки офицерского корпуса оставались нерешенными и обострялись к концу столетия [18, с. 105]. Создание общего для столичного гарнизона офицерского собрания можно рассматривать как одну из управленческих попыток укрепить корпоративную сплоченность офицерства без существенных изменений в системе комплектования и подготовки кадров.

После поражения в русско-японской войне и революционных событий 1905–1907 годов вопросы корпоративного контроля приобрели новую остроту. Н. И. Дацко показывает, что военное ведомство пыталось формализовать оценку профессиональных и личных качеств офицера реформой аттестационной системы, которая обсуждалась в 1905–1906 годах на уровне Военного совета [4, с. 178]. Дискуссии затрагивали служебные показатели и вопросы о том, в какой мере формальная бюрократическая оценка способна заменить традиционное и основанное на корпоративной репутации представление об офицерской пригодности. Параллельно военное ведомство предпринимало усилия по сохранению лояльности армии в условиях революционного брожения, в том числе создание специальных структур воспитательной и разъяснительной работы среди войск [14, с. 22]. Оба сюжета показывают, что традиционные способы офицерского саморегулирования, которые были воплощены, среди прочего, в деятельности Общего собрания, в первое десятилетие XX века уже не воспринимались командованием достаточными и дополнялись новыми и более формализованными инструментами контроля.

Военное время и распад прежней модели. Первая мировая война изменила характер повседневной жизни офицерства, но не устранила лежавшую в ее основе сословно-профессиональную обособленность. Материал Д. А. Бажанова и В. В. Хуциевой о физическом воспитании и спорте на Балтийском флоте показывает, что даже совместные с нижними чинами занятия гимнастикой и спортивными играми не привели к сближению офицеров и матросов. Авторы заключают, что физическое воспитание и спорт не стали фактором укрепления солидарности команд, потому что офицеры не участвовали в соревнованиях вместе с подчиненными [2, с. 369]. Один из современников, капитан II ранга И. Г. Энгельман, в приведенной Д. А. Бажановым и В. В. Хуциевой цитате связывал появление «нового воина» с эпохой всеобщей воинской повинности. «С введением в большинстве стран закона всеобщей воинской повинности кастовый, профессиональный воин умер и народился новый воин, воин-гражданин» [2, с. 358]. Схожие декларации соседствовали с сохранением реальной дистанции между офицером и нижним чином, о чем писал адмирал А. А. Ливен: «Живых людей не соединить бесконечным ремнем или шестерней. Элементы сцепления людей, дружба, доверие и взаимное уважение развиваются на почве совместной работы и общих интересов» [2, с. 366].

Дневник прапорщика И. И. Соловьева, который был издан и проанализирован Д. А. Вальдманом, показывает ту же социальную дистанцию применительно к сухопутной армии. На позициях офицеры располагались в шалашах, блиндажах или брошенных домах, а большинство нижних чинов ночевало прямо на земле [3, с. 5]. Имеющиеся наблюдения подтверждают, что традиционная модель офицерской обособленности, которая институционально закреплена в столице деятельностью Общего собрания, воспроизводилась и в условиях фронтовой повседневности, которая значительно менее формализована и куда более далека от привычного столичного быта.

Февраль 1917 года и завершение обычного функционирования собрания. Верхнюю границу исследования представляют дневниковые записи

А. А. Алелекова о событиях февраля 1917 года в Петрограде. Согласно записям, уже 1 марта 1917 года офицерам предписывалось являться за распоряжениями в «зал армии и флота», т.е. непосредственно в помещения Общего собрания, которое оказалось вовлечено в события революционного кризиса как один из немногих привычных для офицерства мест сбора в условиях распада прежней системы управления [1, с. 199]. Символичным является то, что здание, которое на протяжении почти 20-ти лет служило площадкой добровольного, досугового объединения офицерства, в дни революции превратилось в пункт срочного административного сбора, что маркирует практическое завершение его обычного и довоенного режима работы.

Обсуждение полученных результатов. Полученные результаты позволяют утверждать, что петербургское Общее офицерское собрание представляло собой узел более широкой системы корпоративного саморегулирования офицерства, которая включала писаную норму устава, институт суда общества офицеров, неписаные правила офицерского быта и повседневные практики совместного досуга. Ни один из элементов по отдельности не объясняет устойчивости корпоративной культуры офицерства на протяжении почти двух десятилетий. Устав определял только общие рамки, отчетная документация отмечала количественные показатели посещаемости, а содержание понятий чести и достоинства формировалось именно на пересечении письменной нормы и неписаного кодекса, который описан В. М. Кульчицким и подтвержденного дневником В. С. Савонько.

Представленное наблюдение согласуется с выводом Г. С. Чувардина и И. В. Гончаровой о гвардейской офицерской среде как о пространстве, где формальные процедуры, неформальные практики и корпоративная солидарность образовывали единый способ саморегулирования [16, с. 88]. Вместе с тем, петербургское Общее собрание, в отличие от узкого и социально однородного гвардейского круга, объединяло более разнородный состав офицерства, который включал, если судить по просопографическим данным В. В. Канищева,

ощутимую долю выходцев из недворянских семей [6, с. 60]. Можно говорить о том, что способ саморегулирования, который был обнаружен на гвардейском материале, действовал в столичной военной среде в более широком и социально более пестром варианте, сохранял ту же логику взаимного дополнения нормы и практики.

Дискуссии об аттестационной реформе 1905–1906 годов, которые реконструированы Н. И. Дацко, показывают, что традиционная, во многом неформальная модель оценки офицера через репутацию и корпоративное мнение к началу XX века вступала в противоречие с попытками военного ведомства формализовать критерии профессиональной пригодности [4, с. 178]. Усилия военного ведомства по сохранению лояльности армии в 1905–1907 годах, которые описаны А. Ю. Фоминым, дополняют картину. Командование острее ощущало недостаточность прежних и основанных на офицерской чести способов поддержания дисциплины и искало новые, более формализованные инструменты воздействия на офицеров и нижних чинов [14, с. 22]. Собрание оказывалось институтом, который был унаследован от более стабильной эпохи конца XIX века и хуже соответствовал новым вызовам, которые встали перед военным ведомством после 1905 года.

Материал военного времени, который представлен работами Д. А. Бажанова и В. В. Хуциевой, а также Д. А. Вальдмана, подтверждает, что сословно-профессиональная дистанция между офицерами и нижними чинами сохранялась, но и местами усиливалась в условиях фронтовой повседневности. Дистанция, которая имелась и в бытовых деталях фронтового дневника И. И. Соловьева, и в наблюдениях Д. А. Бажанова и В. В. Хуциевой о занятиях спортом на Балтийском флоте, составляла ту социальную реальность, против которой в 1917 году восстали нижние чины. Работа К. Тарасова связывает истоки солдатского бунта с многолетним накоплением обиды на офицерские привилегии и с требованием равенства и человеческого достоинства [19, с. 4]. Февральские события в Петрограде, которые отражены в дневнике А. А. Алелекова, стали

закономерным финалом той модели, при которой офицерская корпоративность институционально закреплялась в отдельном и недоступном для нижних чинов пространстве, будь то Общее офицерское собрание в столице или кают-компания на корабле Балтийского флота. Разрушение внешних символов офицерской привилегии на улицах Петрограда, о котором пишет К. Тарасов, и превращение здания Общего собрания в пункт срочного административного сбора офицеров, которое описано у А. А. Алелекова, представляют собой два взаимосвязанных проявления одного и того же процесса, а именно распада прежней корпоративной модели, которая долгое время воспроизводилась нормами и практиками, которые были рассмотренные в настоящей статье.

Перспективы дальнейших исследований. Дальнейшее изучение темы представляется целесообразным в нескольких направлениях. Во-первых, перспективным выглядит создание просопографической базы данных реальных членов и посетителей петербургского Общего собрания по образцу количественных ресурсов, которые разрабатывались В. В. Канищевым и А. Н. Плужниковым для иных групп офицерского корпуса [6; 10], что позволило бы уточнить социальный состав аудитории собрания на протяжении всего периода его существования. Во-вторых, требует специального рассмотрения сравнение петербургского опыта с деятельностью офицерских собраний других военных округов, прежде всего Московского и Варшавского, для проверки того, насколько выявленные закономерности носят общеармейский или специфически столичный характер. В-третьих, отдельного изучения заслуживает судьба здания и имущества собрания после февраля и октября 1917 года, а также вопрос о том, в какой мере отдельные практики офицерской корпоративности были воспроизведены в среде командного состава Красной армии. Углубленный количественный анализ финансовой документации собрания за более продолжительный период, чем единственный сохранившийся отчет 1900 года, позволил бы проследить динамику посещаемости и структуры расходов на протяжении всего периода его деятельности.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что деятельность Общего офицерского собрания армии и флота в Санкт-Петербурге не ограничивалась исполнением предписаний устава 1897 года. Формальная норма определяла только общие контуры учреждения, а его реальное содержание формировалось на пересечении нескольких уровней регулирования.

Устав собрания создавал надведомственное пространство, которое объединяло армейских и морских офицеров столичного гарнизона независимо от их полковой принадлежности, и определял базовые хозяйственные и организационные рамки его работы.

Отчетная документация 1900 года вместе со свидетельствами современников показывает собрание живым организмом. В собрании проводились товарищеские обеды, велось гостиничное обслуживание приезжих офицеров, работали библиотека, бильярдная, карточные комнаты. Перечисленная повседневность и составляла реальную жизнь офицерского собрания.

Вместе с предписанной нормой действовал сформированный набор неписаных правил. Они определяли, как молодой офицер входил в корпорацию, какие формы досуга считались допустимыми и что грозило за их нарушение. Справочная литература и личные дневниковые свидетельства подтверждают, что неписанные правила работали не хуже официальных.

Если сопоставить петербургский материал с новейшими исследованиями гвардейской корпоративной культуры и с просопографическими данными о составе офицерского корпуса, картина становится наиболее проявленной. Собрание оказывается петербургским, более социально разнородным вариантом общего для русского офицерства способа саморегулирования, где формальная процедура соседствовала с неформальной практикой.

Управленческий контекст возникновения собрания, а затем и его кризиса связан с нерешенностью «офицерского вопроса» конца XIX века, попытками формализовать аттестационную оценку офицера после 1905 года и растущим вниманием военного ведомства к вопросу лояльности армии.

Материал военного времени показывает и то, что сословно-профессиональная дистанция между офицерами и нижними чинами сохранялась даже в условиях совместной фронтовой службы. Описанная дистанция подготовила почву для открытого конфликта в февральские дни 1917 года.

Имеется и дневниковое свидетельство о том, как здание собрания в дни Февральской революции превратилось в пункт срочного сбора офицеров. Символический эпизод отмечает конец обычной работы офицерского института и кризис той модели офицерской корпоративности, которую он воплощал почти два десятилетия. Дальнейшее изучение офицерских собраний в других военных округах и на более длительном хронологическом отрезке позволит уточнить, насколько закономерности, которые были выявлены в статье, отражают общероссийскую практику работы подобных учреждений.

Список литературы

1. Алелеков, А. А. Дневниковые записи о событиях февраля 1917 г. в Петрограде / публ. Д. И. Раскина // Петербургский исторический журнал. – 2016. – № 1. – С. 193–200. – РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1196.
2. Бажанов, Д. А. Физическое воспитание и спорт в повседневной службе экипажей Балтийского флота в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917) / Д. А. Бажанов, В. В. Хуциева // Научный диалог. – 2025. – Т. 14, № 7. – С. 353–372.
3. Вальдман, Д. А. Фронтовая повседневность Русской армии в 1914–1915 гг. глазами прапорщика И. И. Соловьева // Наука. Общество. Оборона. – 2026. – Т. 14, № 1 (46). – С. 1–11.
4. Дацко, Н. И. Механика военно-бюрократической машины Российской империи после русско-японской войны: дискуссии о реформе офицерских аттестаций (1905–1906 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. – 2026. – № 2. – С. 175–190.
5. Зайко. Офицерское собрание армии и флота // Разведчик. – 1899. – № 453. – С. 546–547.

6. Канищев, В. В. Социально-профессиональный портрет офицерского состава академий Российской империи накануне Первой мировой войны: создание и анализ информационного ресурса / В. В. Канищев, А. Н. Плужников // Историческая информатика. – 2025. – № 2. – С. 55–76.

7. Кульчицкий, В. М. Советы молодому офицеру. – 3-е изд. – Харьков : типо-лит. Р. Радомышельского, 1916. – 23 с.

8. Лаврук, П. П. «Прекратить всякую торговлю крепкими напитками…». «Сухой закон» накануне и в период Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 9. – С. 61–66.

9. Отчет Офицерского собрания Армии и Флота за 1900 год. – СПб. : Экономическая типо-литография В. О., 1901. – 34 с.

10. Плужников, А. Н. «…В передовых цепях и подвергаясь явной опасности». Тамбовские дворяне в гвардейских частях Русской Императорской армии накануне и в годы Первой мировой войны / А. Н. Плужников, В. В. Канищев // Военно-исторический журнал. – 2025. – № 4. – С. 58–67.

11. Тихомиров, А. В. История основания и развития Петербургского Офицерского собрания армии и флота // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 106. – С. 21–28.

12. Тихомиров, А. В. Нормативно-правовые основы создания и деятельности офицерских собраний в Российской армии // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 4. – С. 56–60.

13. Устав Офицерского собрания армии и флота : проект. – СПб. : Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1897. – IV, 43 с.

14. Фомин, А. Ю. Война и «смута»: военное ведомство в борьбе за сохранение лояльности армии в 1905–1907 гг. // Петербургский исторический журнал. – 2025. – № 3 (47). – С. 19–29.

15. Черная книга. Дневники гвардейского офицера В. С. Савонько. 1899–1909 / сост. и авт. вступ. ст. А. И. Алексеев, К. Б. Назаренко, М. А. Смирнова. – М. : Индрик, 2019. – 1174 с.

16. Чувардин, Г. С. Императорская гвардия как элитообразующая структура Российской империи во второй половине XIX – начале XX века / Г. С. Чувардин, И. В. Гончарова // Вестник Брянского государственного университета. – 2026. – № 1 (67). – С. 86–96. DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-86-96.

17. Швейковский, П. А. Суд общества офицеров и дуэль в войсках Российской армии : действующее законодательство со всеми комментариями : настольная книга для офицеров всех родов оружия. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : В. Березовский, 1898. – VI, [2], 176 с.

18. Shevyrev A. P., Yudin S. S. Military and Naval Reforms under Alexander III, The Historical Reporter, 2026, Vol. 58, pp. 102–139.

19. Tarasov, K. Revenge of the Powerless. On the Origins of the Soldiers' Rampage in 1917 // First World War Studies. – 2025. – Vol. 16, no. 3. – P. 315–332.

References

1. Alelekov, A. A. Dnevnikovye zapisi o sobytiyakh fevralya 1917 g. v Petrograde / publ. D. I. Raskina // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. – 2016. – № 1. – S. 193–200. – RGIA. F. 1101. Op. 1. D. 1196.

2. Bazhanov, D. A. Fizicheskoe vospitanie i sport v povsednevnoi sluzhbe ekipazhei Baltiiskogo flota v gody Pervoi mirovoi voiny (avgust 1914 – fevral' 1917) / D. A. Bazhanov, V. V. Khutsieva // Nauchnyi dialog. – 2025. – T. 14, № 7. – S. 353–372.

3. Val'dman, D. A. Frontovaya povsednevnost' Russkoi armii v 1914–1915 gg. glazami praporshchika I. I. Solov'eva // Nauka. Obshchestvo. Oborona. – 2026. – T. 14, № 1 (46). – S. 1–11.

4. Datsko, N. I. Mekhanika voenno-byurokraticheskoi mashiny Rossiiskoi imperii posle russko-yaponskoi voiny: diskussii o reforme ofitserskikh attestatsii (1905–1906 gg.) // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. – 2026. – № 2. – S. 175–190.

5. Zaiko. Ofitserskoe sobranie armii i flota // Razvedchik. – 1899. – № 453. – S. 546–547.

6. Kanishchev, V. V. Sotsial'no-professional'nyi portret ofitserskogo sostava akademii Rossiiskoi imperii nakanune Pervoi mirovoi voiny: sozdanie i analiz informatsionnogo

resursa / V. V. Kanishchev, A. N. Pluzhnikov // Istoricheskaya informatika. – 2025. – № 2. – S. 55–76.

7. Kul'chitskii, V. M. Sovety molodomu ofitseru. – 3-e izd. – Khar'kov : tipo-lit. R. Radomyshel'skogo, 1916. – 23 s.

8. Lavruk, P. P. «Prekratit' vsyakuyu torgovlyu krepkimi napitkami…». «Sukhoi zakon» nakanune i v period Pervoi mirovoi voiny // Voenno-istoricheskii zhurnal. – 2019. – № 9. – S. 61–66.

9. Otchet Ofitserskogo sobraniya Armii i Flota za 1900 god. – SPb. : Ekonomicheskaya tipo-litografiya V. O., 1901. – 34 s.

10. Pluzhnikov, A. N. «…V peredovykh tsepyakh i podvergayas' yavnoi opasnosti». Tambovskie dvoryane v gvardeiskikh chastyakh Russkoi Imperatorskoi armii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny / A. N. Pluzhnikov, V. V. Kanishchev // Voenno-istoricheskii zhurnal. – 2025. – № 4. – S. 58–67.

11. Tikhomirov, A. V. Istoriya osnovaniya i razvitiya Peterburgskogo Ofitserskogo sobraniya armii i flota // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. – 2009. – № 106. – S. 21–28.

12. Tikhomirov, A. V. Normativno-pravovye osnovy sozdaniya i deyatel'nosti ofitserskikh sobranii v Rossiiskoi armii // Voenno-istoricheskii zhurnal. – 2009. – № 4. – S. 56–60.

13. Ustav Ofitserskogo sobraniya armii i flota : proekt. – SPb. : Tipografiya shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1897. – IV, 43 s.

14. Fomin, A. Yu. Voina i «smuta»: voennoe vedomstvo v bor'be za sokhranenie loyal'nosti armii v 1905–1907 gg. // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. – 2025. – № 3 (47). – S. 19–29.

15. Chernaya kniga. Dnevniki gvardeiskogo ofitsera V. S. Savon'ko. 1899–1909 / sost. i avt. vstup. st. A. I. Alekseev, K. B. Nazarenko, M. A. Smirnova. – M. : Indrik, 2019. – 1174 s.

16. Chuvardin, G. S. Imperatorskaya gvardiya kak elitoobrazuyushchaya struktura Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka / G. S. Chuvardin, I. V.

Goncharova // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2026. – № 1 (67). – S. 86–96. DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-86-96.

17. Shveikovskii, P. A. Sud obshchestva ofitserov i duel' v voiskakh Rossiiskoi armii : deistvuyushchee zakonodatel'stvo so vsemi kommentariyami : nastol'naya kniga dlya ofitserov vsekh rodov oruzhiya. – 2-e izd., ispr. i dop. – SPb. : V. Berezovskii, 1898. – VI, [2], 176 s.

18. Shevyrev A. P., Yudin S. S. Military and Naval Reforms under Alexander III, The Historical Reporter, 2026, Vol. 58, pp. 102–139.

19. Tarasov, K. Revenge of the Powerless. On the Origins of the Soldiers' Rampage in 1917 // First World War Studies. – 2025. – Vol. 16, no. 3. – P. 315–332.

Статья поступила в редакцию 19.05.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 09.10.2026.

The article was submitted 19.05.2026; approved after peer review 30.06.2026; accepted for publication 09.10.2026.